

ДОЙТИ ДО СУТИ

ОПЫТ МНОГОКРАТНОГО ПРОЧТЕНИЯ ЯНУША КОРЧАКА

«Неужели вы собираетесь комментировать “Как любить ребенка”? Но там же все правильно и банально», — бросила мне одна известная дама-педагог, чем, откровенно говоря, задела за живое и еще более раззадорила. Книгу Януша Корчака “Как любить ребенка” я неизменно (вот уже в течение сорока пяти лет) дарю молодым специалистам, которые впервые переступают порог школы, на каждом августовском педагогическом совете, что предшествует началу нового учебного года.

Убежден: ее должен прочитать не только каждый из тех, кто вступает на многотрудное поприще просвещения, но и те, кто решил произвести на свет или усыновить ребенка. Почему? Об этом большой и обстоятельный разговор впереди. Но сегодня актуальность книги предельно обострилась. Прагматизм и обслуживающий его технократический дискурс окутали планету, наложив каинову печать на восприятие всех без исключения сфер жизни в так называемых цивилизованных странах по обе стороны океана. Чего в первую очередь требуют родители в родительских чатах или в онлайн-конференциях? И в России, и в Америке

подавляющее большинство мам и пап единодушно хотят получить четкие инструкции по обучению и воспитанию. Ребенок представляется им неким фаршем, заправив который в педагогический конвейер на выходе можно получить хорошо воспитанного и образованного молодого человека, отвечающего чаяниям родителей и их представлениям о жизненном успехе. Отсюда прагматическое потребительское отношение к школе в целом и педагогам в частности.

ОН ИМЕЛ МУЖЕСТВО СКАЗАТЬ: «НЕ ЗНАЮ!»

На память приходит ушлая американская старушка, которая отсудила у фирмы «Макдоналдс» миллионы долларов. Она обожглась горячим кофе. По решению суда фирме пришлось раскошелиться. Оттого-то инструкции по использованию современных бытовых агрегатов, включая кофейные стаканчики, по объему напоминают романы. Компанию обязали изменить температуру кофе и добавить крупную надпись с предупреждением на стаканчик.

Здесь следует оговориться: я не выступаю тотальным критиком технологии как таковой. В ряде сфер деятельности, в частности в медицине, слаженная работа врачей в соответствии с утвержденным международным протоколом обеспечивает оптимальные результаты лечения. Но педагогическую рецептуру я отрицаю, в чем вполне солидарен с Я. Корчаком: «Люди удивляются и ставят мне в вину, что я вроде бы отчасти и врач, а советовать не хочу». Он имел мужество сказать: «Не знаю!» Ибо нет двух абсолютно одинаковых детей (даже однопяцевые близнецы различны в своих интересах, жизненных планах и учебной мотивации). Поэтому мудрый врач, педагог и писатель выступал против педагогического механицизма. Именно с великого «Не знаю!» начинается подлин-

ная педагогическая наука и рождается творческая практика, слетают педагогические шоры и рушатся мифы.

Увы, и сам образ Я. Корчака не избежал мифологизации. В глазах миллионов он этакий старый сказочник, добрый доктор Айболит, готовый погладить по головке любого ребенка, вручив ему заранее приготовленную карамельку. Его мученический конец дополняет идиллический портрет, а точнее икону, культурно канонизированного мученика (праведника мира, каковым он справедливо признан в Израиле).

В 1982 году я беседовал с известным польским педагогом, в прошлом молодым сотрудником «Дома сирот» Александром Левиным. Мы сидели в кабинете Корчака. На стене — печальная фотография, известная всему миру. На ней грустный Януш Корчак прикрыл глаза, опустив руку на плечо ребенка. Зная о его трагическом конце, невольно затихаешь перед документальным свидетельством его святости.

«Так случилось, — говорил Александр Левин, — что я присутствовал при съемках этого кадра. В тот момент Я. Корчак весело играл с детьми в жмурки. Отсюда и прикрытые глаза. Миф никогда не должен заслонять человека». Я, помнится, возразил профессору Левину и пригласил в Москву. К нашему спору о соотношении мифа и реальности в истории мы еще вернемся.

А пока только обнаженные факты. Нет, Генрик Гольдшмидт, известный всему миру как Януш Корчак, не был карасем-идеалистом. Это был достаточно жесткий человек, офицер-военврач, прошедший три войны. Книга «Как любить ребенка» писалась не в тиши кабинета и не в интернате, где его любовно облепляли детишки.

Поразительно, но книгу «Как любить ребенка» он набрасывал в короткие моменты передышек между хирургическими операциями под стоны раненых и разрывы снарядов в прифронтовой полосе. Нашел время и место для педагогического творчества...

Первая в его жизни война — русско-японская. Задумывалась как маленькая победоносная, а обернулась началом краха империи. Второй фронтовой опыт Корчак приобрел в годы Первой мировой войны, где врачи были поражены бессилием и моральным разложением царской санитарной службы. Не хватало лекарств, инструментов, дезинфицирующих средств и перевязочного материала. Бараки, которые должны были стать полевыми госпиталями, разваливались. Деньги, предназначенные на их ремонт, разворовывались. Взяточничество достигало огромных масштабов. Особой бесчестностью отличался российский Красный Крест, который наживался тогда на всем — на доставке провизии для больных, на лекарствах, на одежде. Миллионные счета, которые он выставял, невозможно было проверить, потому что в конторах и на складах то и дело случались пожары, в них сгорали товары и счетные книги.

Однако вернемся к запискам Старого Доктора. В 1915 году ему 35 лет! К этому времени он уже достаточно известный писатель и педагог.

Писательская цепкость глаза и литературный дар лишь помогали находить отточенные формулировки. К ежедневной письменной фиксации наблюдений за детьми Януш Корчак призывал как родителей, так и педагогов, объясняя последним, что «иначе их жизнь будет промотана зря». Поразительно, Корчак, впрочем, как и Макаренко, никогда не писал строго научных трудов, не защищал диссертаций. Однако на их книгах защищены сотни, если не тысячи диссертаций.

Его педагогическая мысль отливалась не только в литературную форму. Януш Корчак обладал редким даром материализации педагогических идей, поскольку был, как сказали бы сегодня, блистательным менеджером образования, способным в сжатые сроки четко организовать работу детского

учреждения с невероятно сложным контингентом воспитанников. Тому есть неоспоримое доказательство.

В 1915 году, получив трехдневный отпуск, Корчак отправился в Киев, в интернат для детей. Интернатом руководила Марина Фальская, которая с трудом справлялась с детьми, чье сознание искалечила война. «Визит офицера, поляка, известного писателя, приехавшего прямо с фронта, воспитателя, понимавшего педагогические проблемы как никто другой, стал переломным моментом для всех. За три дня пребывания в киевском интернате Корчак преобразил хаотическую жизнь его шестидесяти обитателей. Из случайного сборища агрессивных анархистов они начали превращаться в демократическое сообщество. В начале своего визита он был втянут в дело тринадцатилетнего мальчика, которого обвиняли в краже часов и грозили выгнать из интерната. С помощью проверенной на Крахмальной (улице, где располагался детский дом Корчака в Варшаве. — Прим. Е.Я.) методики товарищеского суда: свидетелей, обвинителей, адвокатов и судей, которых выбирали из воспитанников, — удалось доказать невиновность мальчика, а заодно дать понять детям, что их права здесь уважают. Он помог им организовать самоуправление. Предложил свою излюбленную идею — издавать собственную газету, показал, как это надо делать, сам написал вступительный фельетон, позже присылал статьи с фронта. Днем он проводил время с мальчиками: расспрашивал об их прошлом, о судьбах, печалях, мечтах, советовал, поддерживал, придумывал игры, которые позволяли им хоть на минуту забыть о действительности. За эти три дня Корчак заразил Марину своей педагогической страстью, указал ей цель»¹.

¹ *Ольчак-Роникер* И. Корчак. Опыт биографии. М.: Текст, 2015. С. 251–252.

ПРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН ВНУТРИ НАС

Человека, прошедшего через грязь и кровь войн, ежедневно и ежечасно наблюдавшего смерть, трудно представить педагогом-романтиком. Да Корчак таким и не был.

Первая мировая не последняя в его жизни. Впереди революция, Гражданская война и провалившееся наступление Красной армии на Варшаву. Поляки выстояли, чудом сохранив свою независимость. Такой обретенный в боях опыт диктует реалистическое, лишённое сантиментов отношение к жизни и воспитанию новых, входящих в нее поколений.

Да, Януш Корчак ясно видел горизонт воспитания, включающий в себя категорический императив Канта — существование звездного неба над головой и нравственного закона внутри нас, — но при этом никогда не отрывался от земли. Ибо был реалистом и отдавал себе отчет в том, что школа стоит не на Луне и его воспитанникам предстоит жить в реальном мире. «Мир уродлив, и люди грустны», — как сказал замечательный американский поэт Уоллес Стивенс. Из этого не следует, что бесполезно учить детей правде и прививать им вечные нравственные ценности. Но есть одно «но»: «Да разве может обойтись любовь к правде без знания дорог, которыми ходит кривда? Разве ты желаешь, чтобы отрезвление пришло внезапно, когда жизнь кулаком хама смажет по нашим идеалам? (Неожиданно жесткое выражение писателя-сказочника и рафинированного интеллигента. — *Прим. Е.Я.*) Разве, увидев тогда твою первую ложь, не перестанет твой воспитанник сразу верить во все твои правды? Если жизнь требует клыков, разве вправе мы вооружать детей одним румянцем стыда да тихими вздохами?

Твоя обязанность воспитать детей, а не овец, работников, а не проповедников: в здоровом теле — здоровый дух. А здоровый дух не sentimentalен и не любит быть жертвой. Я же-

лаю, чтобы лицемерие обвинило меня в безнравственности!»¹ Задириста последняя фраза.

Лицемерие взрослых — проклятие воспитания во все эпохи. Самодовольные взрослые в массе своей, демонстрируя небезупречный образ жизни, проповедают детям идеальный способ существования, не допуская мысли, что те кожей ощущают и болезненно переносят фальшь: дистанцию между словом и делом. Но наступают времена, когда этот разрыв зашкаливает. Именно лицемерие казенных идеологов диктует государственную стратегию воспитания, основанную исключительно на положительных примерах из истории Отечества, призванных прививать детям любовь к родному пепелищу. А о путях кривды — ни слова. И это в условиях свободного доступа к любой информации.

«Именно лицемерие обвиняет в безнравственности, в отсутствии патриотизма и прочих смертных грехах тех воспитателей, которые рискуют обсуждать со своими питомцами «грехи нашей родины вечной».

(Б. Окуджава)

Именно лицемерие приводит к тому, что ученик, однажды внезапно уличивший воспитателя в лукавстве, перестает верить ему. А в результате становится циником или стихийным бунтарем, чей протест выплескивается на улицы.

Задиристое желание Корчака, чтобы лицемерие обвинило его в безнравственности, сбывается на глазах. Старый Доктор открыто смеялся, глядя на ханжество, способное выражать лишь праведный гнев и ничего более.

При всем том он не был диссидентом и ради блага детей

¹ *Korczak J.* Jak kochac dziecko, proza pedagogiczno-estetyczna (1919–1929) / *Levin A.* Janusz Korczak, Prisma wybrane: 4t. T. 1. 1978. С. 234–235.

был готов играть в разные игры с сильными мира сего, прекрасно понимая, что власти всегда будут с подозрением относиться к независимо мыслящим людям.

Так, например, после майского переворота 1926 года Ю. Пилсудского, который не был бескровным, Корчак воспользовался симпатией к его литературному творчеству со стороны супруги диктатора. Она давала спонсорские средства на содержание двух детских домов. Мало кто знает, что Корчак одновременно руководил двумя детскими домами! Никаких государственных субсидий он не получал.

Вынужденные компромиссы доктора Корчака раздражали его более радикально настроенных коллег, которые считали, что такое поведение руководителя дурно влияет на воспитанников. Они настаивали на открытой модели детского дома, иными словами — на политизации школы.

Замечательно, что Януш Корчак совмещал в себе реалиста и утописта. Как это возможно? Доктор внимательно наблюдал за политикой, считал, что дети должны знать, как устроено государство, но при этом упрямо реализовывал на практике закрытую модель детского учреждения, создавая для своих воспитанников дом, в котором царит нравственное и психическое благополучие. Концепция, уязвимая со всех сторон. Его легко было упрекнуть (и упрекали) в утопизме и непоследовательности, в том, что на деле он пытался построить остров утопии. В этом, на мой взгляд, мнимом противоречии имеет смысл разобраться. Да, он считал, что детей надо готовить к жизни, не утаивая от них суровых неприглядных сторон. Но одно дело — готовить к жизни, и совсем другое — бросить их в этот бушующий океан, предварительно не научив плавать. Корчак полагал, что столкновение с миром должно наступить лишь тогда, когда дети окрепнут. А на этапе взросления он делал все возможное для сохранения их физического и психического здоровья, а главное — прививал детям чувство самоценности и тем са-

мым укреплял их собственное достоинство. Этим целям был подчинен весь уклад жизни детского дома, базирующийся как на неписанных традициях, так и на писанных законах. Невероятно загруженный человек, постоянно решавший массу финансовых и бытовых проблем, не прекращавший литературного труда, он не поленился разработать для детдома судебный кодекс — более тысячи страниц текста. В результате в его доме осуществлялось настоящее самоуправление и царила справедливость. Конечно, Корчак неутомимо обустроивал свой остров утопии, но, по большому счету, все реализованные на практике педагогические системы представляют собой такие острова (колония Макаренко, коммуна Шацкого и др.).

«НЕЛЬЗЯ УСТРАИВАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ, НЕ ПОДУМАВ О РЕБЕНКЕ»

По отношению к детям доктор Корчак занимал единственно верную охранительную позицию. Такая позиция особенно близка педагогам, осуществляющим воспитание детей в переломные эпохи. Революционер в педагогике, он тем не менее всегда предостерегал, выступая на рабочих собраниях: «Нельзя устраивать революцию, не подумав о ребенке». В одном из своих писем заметил: «Легче всего умереть за идею. Такой красивый фильм: падает с простреленной грудью — струйка крови на песке, — и могила, утопающая в цветах. Труднее всего изо дня в день, из года в год жить ради идеи». Как писал, так и жил, полагая, что по-настоящему преобразовать мир возможно, лишь преобразовав воспитание.

Как любить и воспитывать ребенка в России? Этот вопрос я периодически слышу от чутких, тревожных родителей и педагогов. Он нерешаем для тех, кто по-прежнему исповедует веру в то, что бытие тотально определяет сознание. Такие люди видят

вокруг себя кричащие противоречия, страдают от несправедливости окружающей жизни, но недооценивает силу Духа.

Что же касается сомнений в красоте жертвы во имя идеи, то мои личные впечатления — непосредственного участника событий августа 1991 года в Москве — их усиливают. Там, под мостом, в революционном порыве одни молодые люди накинули брезент, закрыв смотровые щели бронемшины, а другие молодые люди, сидящие в ней, с испугу открыли огонь. Никто не хотел умирать. Могилы погибших тогда утопали в цветах. Сегодня мало кто вспомнит их имена. Жертвенное поведение молодых людей, их «упоение в бою, у бездны мрачной на краю» — известный психологический феномен, который с превеликим удовольствием во все времена эксплуатируют технологи власти в собственных политических целях. Зрелый, состоявшийся человек вправе принять решение о вступлении в борьбу, трезво осознавая возможность своей гибели. Но втягивать детей во взрослые политические разборки, не думая о том, что они могут привести к кровавой развязке, — неприкрытый цинизм. Об этом хорошо бы помнить вдохновителям и организаторам молодежных движений вне зависимости от того, под какими лозунгами и знаменами такие движения собираются.

Доктор Корчак, живой, непосредственный участник и свидетель войн, революций и переворотов в Польше, знал, как вести себя педагогу, попавшему со своими детьми в водоворот истории. Его жизнь и судьба — образец самого трудного вида героизма — героизма повседневности.

Отдельная горячая проблема — формирование религиозной, национальной и культурной идентичности. Корчак всю жизнь творил педагогику в раздираемой внутренними противоречиями Польше, находящейся между советским молотом и нацистской наковальней, общественная атмосфера которой не была спокойной и благостной. Напротив — насыщенной страхами и предрассудками.

На него нападали все. Ортодоксальные евреи — за то, что он колонизирует детей. Поляки и ассимилированные евреи — за то, что без надобности прививает воспитанникам чувство еврейского самосознания, затрудняя их интеграцию в польское общество. Сионисты — за то, что не убеждал детей ехать в Палестину. Коммунисты — за то, что не призывал их бороться с капитализмом.

«На каком фонаре ты меня повесишь, когда устроишь свою революцию?» — спросил он своего бывшего воспитанника, активиста одного из леворадикальных движений.

Больнее всего он переживал критику от самых близких, ибо среди его сотрудников и выпускников, которые принимали активное участие в жизни интерната, естественно, были люди разных взглядов. Но мудрый Корчак сознательно дистанцировался от любых политических и идеологических установок в педагогике.

«МОЛИТВЫ ТЕХ, КТО НЕ МОЛИТСЯ»

Знаменательно, что такой же принципиальной позиции — быть ни с теми и ни с теми — придерживался замечательный православный священник отец Александр Мень, о чем он сам говорил мне незадолго до своей трагической гибели.

Корчак был далек от узкоконфессионального подхода, но при этом признавал за каждым ребенком в соответствии с его семейными традициями право на выбор своего пути к Богу. Отсюда его заметки «Наедине с Господом Богом», которые имеют подзаголовок: «Молитвы тех, кто не молится». К слову сказать, книга «Как любить ребенка» неотделима от всех других произведений Корчака. Не случайно в эту книгу помещены еще «Право ребенка на уважение» и «Правила жизни».